

Хрупкие звенья цепи

*– Система оказания помощи детям,
потерпевших от торговли людьми
в регионе Балтийского моря*

Сванте Уэйлер

Хрупкие звенья цепи

*– Система оказания помощи детям,
потерпевших от торговли людьми
в регионе Балтийского моря*

Сванте Уэйлер

Содержание

Предисловие	3
Введение	5
Авторское предисловие	7
Об авторе	7
Донецк, Апрель 2007 г.	11
Стокгольм, Октябрь 2007 г.	15
Мариямполье, Январь 2007 г.	18
Звенья в цепи оказания помощи	22
Роль МОМ и государственных учреждений	24
Приемник-распределитель	25
Реабилитационный центр МОМ	26
Донецкая областная Лига деловых и профессиональных женщин	27
Оценка системы оказания помощи	29
Недостаток достоверной статистики	32
Внутренняя и внешняя торговля людьми	35
Другой подход	37
Рациональность	37
Жизнестойкость.....	41
Ответственность и подотчетность	45

Предисловие

председателя Рабочей группы по сотрудничеству в области помощи детям в опасности Анники Тикерпуу, Министерство социальных дел Эстонии.

Одним из важных аспектов программы рабочей группы по работе с детьми без сопровождения и детьми, потерпевшими от торговли людьми, является помощь и защита детей-потерпевших. Учитывая характер такой деятельности не просто получить статистическую информацию, в особенности данные относительно детей. Таким образом, наши знания о проблеме и ее различных аспектах довольно ограничены – до количества о людях, потерпевших от торговли людьми в год, значительный процент среди которых – дети. Некоторые становятся бесплатной домашней прислугой, другие тяжело работают на полуправильных заводах и фабриках, но еще больше из них принуждаются к проституции и вовлекаются в преступную деятельность.

Необходимо признать, что существуют некоторые ограничения в предоставлении реабилитационных услуг для молодых людей, потерпевшим от торговли людьми в странах Балтийского региона. Более того, наблюдается заметный пробел в знаниях и квалификации в сфере предоставления всесторонней помощи таким потерпевшим. На последний аспект проблемы и направлен проект Рабочей группы по сотрудничеству в области помощи детям в опасности (WGCC). Это Тренинговая программа по предоставлению всесторонней поддержки детям, потерпевшим от торговли людьми (the BSR CACVT Training project)¹. Данный проект реализуется в вышеупомянутом регионе при финансовой поддержке Европейской комиссии в рамках программы Daphne II. Для того чтобы включить в проект страны, не входящие в Европейский Союз, Организация «Save the Children» (Швеция) и Фонд Oak предоставили дополнительное финансирование для проекта. В данный момент в тренинговую программу включены 10 стран, из которых 6 являются членами Европейского Союза, а остальные 4 – соседними странами.

¹ <http://www.childcentre.info/projects/traffickin/dbaFile13240.html>

Проект ставит перед собой двойную цель: предоставить обучение для соответствующих специалистов, а также очертить основные аспекты проблемы торговли детьми в регионе. Подпроект по созданию отчета о проблеме в регионе был направлен на изучение влияния действий министерств, органов власти, учреждений, НПО и МО на потерпевших детей. В ходе планирования проекта Рабочая группа по сотрудничеству в области помощи детям в опасности (Рабочая группа) выявила необходимость описания принятых мер в случаях торговли детьми. Было важно отследить последовательность мер, увидеть, дополняют ли они друг друга, а также изучить существующие процедуры. Например, как полиция контактирует со специалистами, предоставляющими социальную помощь, как предоставляется защита потерпевшему ребенку в принимающей стране, назначается ли опекун и как это происходит, и предпринимаются ли немедленные шаги для обеспечения безопасного места проживания для ребенка. Этот отчет, включая мнения и оценки самих детей, является результатом исследовательского подпроекта Рабочей группы о проблеме в регионе и мы с гордостью представляем его вам.

Как было сказано ранее, существует недостаток официальных данных о проблеме торговли людьми. Статистика становится еще более скупой, когда речь идет о детях. Представляемый проект не обязательно заполнит этот пробел, но он непременно привлечет внимание к некоторым тенденциям, которые Рабочая группа считает важными для дальнейшего изучения ситуации. Мы знаем, что дети в ситуации торговли людьми могут подвергаться различным видам эксплуатации. Противодействие торговле детьми и защита детей должны быть построены на знаниях, полученных из исследований различных форм эксплуатации ребенка и их последствий, а не только на знаниях о преступлениях против детей либо преступниках, их совершающих.

Данный отчет показывает, что известно о проблеме в регионе. Рабочая группа будет использовать отчет и другие предпринятые действия для продолжения активного противодействия всем формам торговли людьми и эксплуатации детей в нашем регионе

Рабочая группа по сотрудничеству в области помощи детям в опасности выражает свою признательность за поддержку Европейской Комиссии в рамках в рамках программы Daphne II, что сделало возможным создание этого отчета.

Предисловие

*Ларс Лёйф, Руководитель Детского Отдела,
Совет Государств Балтийского Моря, Секретариат*

Дети, потерпевшие от торговли людьми, крайне редко согласны рассказать свою историю. Как правило, мы слышим о том, что с ними произошло от других. Начиная осознавать недостаток информации и необходимость знаний о том, как дети сами говорят о произошедшем, мы также осознали, что и их рассказ о получении помощи будет очень важен. Нам необходимо не просто останавливаться на ужасных историях их виктимизации и эксплуатации, но также позволить, чтобы эти истории показали нам, как о них позаботиться, организовать наилучшую защиту и реабилитацию.

Мы часто слышали от экспертов-членов сети организаций в странах Балтийского региона, которые пытались установить контакт с детьми-потерпевшими от торговли людьми, что часто дети не очень хорошо откликаются на предложенную заботу и поддержку. Почему-то показалось, что образ ребенка, потерпевшего от торговли людьми, и реальный потерпевший ребенок не особенно похожи и что та забота и защита, что были организованы, были организованы с представлением именно об образе, а не о реальном ребенке-потерпевшем.

Еще один вопрос возник относительно того, как разные страны справляются с часто сложными организационными структурами на национальном и международном уровне, чтобы охватить все аспекты проблемы торговли детьми. Всегда, когда речь идет о случаях насилия над ребенком, берутся во внимание юридические, психологические, медицинские, социальные и педагогические аспекты, причем далеко не всегда ведущие к одним и тем же действиям. Полиции необходим свидетель, который сможет участвовать в допросе и давать четкие показания. Психологу нужно, чтобы ребенок оставался в спокойной и безопасной обстановке, а педагог хотел бы оценить пробелы в базовых знаниях ребенка, чтобы тот мог начать обучение, которое позволит ему/ей повысить самооценку и самоуважение. Однако единственный, кто может адекватно оценить, насколько ценны те или иные суждения, это сам ребенок, а его-то чаще всего и не спрашивают. Общаясь с некоторыми детьми и слушая лю-

дей, вовлеченных в предоставление им помощи, нам хотелось получить более четкое представление о том, каким образом программы помощи могут быть основаны на реальности, а не на ее образах.

В некоторых странах-партнерах, вовлеченных в Программу сотрудничества в регионе Балтийского моря, организации, занимающиеся поддержкой детей, потерпевших от торговли людьми, активно используют опыт друг друга, тогда как в других странах усилия еще не настолько согласованы. Нам было любопытно, что именно сделало одну географическую зону более открытой к сотрудничеству и совместным действиям, чем другую. Мы также хотели понять, насколько повлияло наличие большого количества действующих лиц с различной финансовой поддержкой на ту помощь, которая предоставляется детям-потерпевшим. Мы были убеждены, что организационная структура будет иметь значение для качества помощи, предоставляемой организацией отдельно взятому ребенку-потерпевшему.

Рабочая группа по сотрудничеству в области помощи детям в опасности, в составе Совета Государств Балтийского Моря, последние годы занималась реализацией программы «Дети без сопровождения и дети, потерпевшие от торговли людьми, в странах Балтийского региона»². Первоочередной задачей этой программы было создание Национальных центров по работе с детьми без сопровождения и детьми-потерпевшими от торговли людьми в странах Балтийского региона. Второй частью программы было проведение комплексного тренинга по работе с детьми-потерпевшими от торговли людьми. Данное исследование и отчет о реальной ситуации с проблемой торговли детьми в странах Балтийского региона является третьей частью программы. Тренинговая программа и исследование были проведены при финансовой поддержке Европейской комиссии в рамках программы Daphne II.

Все точки зрения, помещенные в данном отчете, являются авторскими.

² См. http://www.childcentre.info/projects/traffickin/wgcc_programme/

Авторское предисловие

Мне сказали о том, что недостаточно внимания уделяется личному опыту детей, потерпевших от торговли людьми. Детям предлагают помощь, которую они принимают, но часто исчезают в течение всего нескольких дней, задолго до начала реализации любой реабилитационной схемы, обещая оставаться на связи или говоря о том, что им значительно лучше и они хотят вернуться домой. Часто единственное, что остается, это цифра в статистике учреждений, с которыми они контактировали – и надежда, что у них все изменится к лучшему. Это и спровоцировало интерес Рабочей группы по сотрудничеству в области помощи детям в опасности. Принимая во внимание, что были приложены усилия для обеспечения помощи, но она не была предоставлена, появилась необходимость узнать, такие усилия были восприняты теми, на кого они были направлены. Почему молодые женщины, которым предложили

Об авторе

Сванте Уэйлер, журналист и писатель, родился в Стокгольме в 1953 году.

После изучения литературы и русского языка в университетах Упсала и Стокгольма Сванте Уэйлер работал главным редактором культурных журналов, сотрудничал со шведским радио в области драматургии и культурной журналистики как иностранный корреспондент и политический комментатор.

Он регулярно предоставляет статьи и материалы по литературе и политологии для шведского радио и национальных газет.

Последние 15 лет Уэйлер проработал директором Издательского дома «Норстедс» и в данный момент руководит собственным издательством Svante Weyler Bokförlag.

Сванте Уэйлер является автором двух книг: «Берлин Уэйлера» (Norsteds, 1994 г.) и «Ett hus i Ngouedi» (Дом Нгуеди, Atlas 2006). Отец троих детей.

поддержку, через несколько дней просто уехали? Почему персонал, обычно хорошо подготовленный для предоставления помощи молодым людям, не мог установить контакт с этими молодыми людьми – хотя они представляют наиболее уязвимую группу? Как случилось так, что определенные ресурсы некоторых стран Европы, специально отобранные для предоставления помощи детям и молодым людям, потерпевшим от торговли людьми, были наполовину исчерпаны, тогда как каждый говорил о том, что количество потерпевших от торговли людьми немалое? Ответы на эти вопросы можно найти, если реально посмотреть на черты преступления «торговля людьми» – как на хорошо организованную, крайне скрытую нелегальную деятельность – и потерпевших, слишком ясно осознающих последствия своего сотрудничества с полицией. Но даже при таких обстоятельствах, у детей, потерпевших от торговли людьми, определенно было и есть что сказать важному политикам, представителям администрации, донорам, экспертам – т.е. всем, кто может принимать решения, ключевым фигурам – и это может оказаться чрезвычайно важным при оценке проделанной работы.

Я был направлен, чтобы помочь узнать, что сами дети, потерпевшие от торговли людьми, думают об этих вопросах, а также найти их, выслушать и передать услышанное. По объективным причинам задача вскоре оказалась совсем непростой. Количество детей, с которыми я мог встретиться при данных обстоятельствах, было ограниченным, по этому я представил те истории, что мне удалось услышать, в разрезе более репрезентативного количества исследования, проведенного в тот же период.³ Результаты отчета, на который я ссылаюсь, совпадают с моими результатами до такой степени, что у меня есть четкие основания полагать: материалы настоящего отчета являются во многих важных аспектах репрезентативными для намного большего количества случаев, чем те, что здесь представлены.

Таким образом, настоящий отчет не претендует на научную работу, – однако является важным результатом в политическом и моральном отношении.

³ Rebecca Surtees. Listening to victims. – International Centre for Migration Policy Development 2007. Это исследование было проведено в пяти странах: Албании, Молдове, Румынии, Боснии и Герцеговине и Сербии и касалось тех же аспектов, которые должен был затронуть и мой отчет.

В 2007 году я посетил Литву, Беларусь, Украину, Польшу, Россию и Швецию. Я разослал анкеты для организаций и учреждений во все страны, входящие в сеть (включая Норвегию, Данию, Эстонию, Латвию и Молдову), которая была основана Рабочей группой по сотрудничеству в области помощи детям в опасности Совета Государств Балтийского Моря.⁴ Я попытался получить общее представление, составить общий обзор недавних исследований в этой сфере и отчетов правоохранительных органов в разных странах. Я встречался с различными ключевыми фигурами, которые связаны с проведением работы по предупреждению торговли детьми, защите от этого явления и судебному преследованию преступников. В некоторых организациях и структурах у меня была возможность поговорить непосредственно с потерпевшими и выслушать их. Однако необходимо заранее упомянуть, – даже если следующие мои слова будут очевидны, – что для того чтобы установить наименьший контакт с потерпевшим ребенком и прийти к реальному пониманию его или ее ситуации, вам необходимо провести дни, недели, возможно даже месяцы вместе. У меня не было такой возможности. И если все же я рассказываю или передаю некоторые истории или высказывания потерпевших детей, я делаю это с глубоким убеждением в том, что они показательны для представления многих других потерпевших.

В данном отчете я решил сфокусировать внимание на описании трех ситуаций, каждая из которых проливает свет на те или иные проблемы, являющиеся ключевыми для понимания положения потерпевших детей и их отношений с рядом лиц и учреждений, с которыми им довелось столкнуться. Выбор ситуаций не случаен, как это может показаться не первый взгляд.

Швеция – богатая страна в Совете Государств Балтийского Моря, имеющая стабильные структуры, высокоразвитую систему социального обеспечения и ей присуща хорошая осведомленность о проблеме торговли детьми. Это страна назначения. Литва представляет собой общество со стремительными политическими, экономическими и социальными изменениями. Это новый член Европейского Союза, ее учреждениям не хватает финансирования, однако в этой стране существует различное множество НПО, работающих в сфере по-

⁴ Полное описание программы Рабочей группы по сотрудничеству в области помощи детям в опасности (WGCC) см. http://www.childcentre.info/projects/traffickin/wgcc_programme/

мощи потерпевшим от торговли людьми. Литва является страной происхождения и транзита. Украина – пост-коммунистическое государство, которое также переживает быстрые, но крайне нестабильные экономические и социальные перемены. Политическая ситуация не ясна, учреждениям и структурам катастрофически не хватает финансовой поддержки. Также, как и Литва, является страной происхождения и транзита. По моему мнению, эти три страны можно считать показательными для целого ряда стран, входящих в Совет Государств Балтийского Моря.

Начну я со своего визита в Украину, города Киев и Донецк. Более детально остановлюсь на истории молодой женщины по имени Надежда, с которой я имел возможность встретиться. Как мне кажется, ее история может быть своеобразным «контрольным листком» для оценки работы с потерпевшими от торговли детьми. Можно ли было предупредить или избежать того, что с ней случилось? Могла ли она быть лучше защищена и реабилитирована? Могли ли быть те, кто несет ответственность за преступления против нее, подвергнуты судебному разбирательству?

Вторая остановка – это Швеция, где институционные и материальные ресурсы намного отличаются от тех, что существуют, например, в Украине, но правовая сфера все еще имеет серьезные дефекты с точки зрения работы с детьми, потерпевшими от торговли людьми.

После этого, в последнюю очередь, я подниму вопрос превенции под несколько иным углом, с помощью истории молодой женщины из города Мариамполе в Литве.

Во второй части этого отчета я попытаюсь идентифицировать успехи и поражения, а также некоторые основные угрозы, существующие для работы по предупреждению, защите и судебному преследованию преступников.

Донецк, Апрель 2007 г.

Надежда приехала в офис “Донецкой областной Лиги деловых и профессиональных женщин” точно во время, как было договорено между ней и Соней М., психологом. Соня перезванивала девушке час назад – удостовериться, что она в пути. Надежда живет в маленьком городке, граничащим с окраинами Донецка, города с населением больше 1 миллиона жителей на востоке Украины. Эта часть страны когда-то была центром украинской и всесоюзной (во времена Советского Союза) угольной и металлургической промышленности. Население здесь в основном русскоязычное, хотя в настоящее время украинский стал тоже широко использоваться. Несмотря на то, что Донецк видел и лучшие времена, тут ситуация не настолько плоха, как в некоторых маленьких городках региона, часто называемых “депрессивные города”, – такое название они получили после закрытия большого количества шахт и заводов. Говоря в целом, в этом регионе политические перемены последних десяти-пятнадцати лет не приветствуются. Здесь постоянно происходит «утечка» людей в другие районы страны и за границу – и некоторые из них, как Надежда, попадают в наихудшие ситуации.

Надежде сейчас 18, она хорошо одета и смущенно улыбается мне при встрече. У девушки тонкий, немного детский голос, шепелявит, но в общем производит впечатление уверенного в себе человека. Не всегда она была такой. Вот ее история, как ее передала мне Соня М. перед нашей встречей:

Надежда жила в многодетной семье. Когда умер отец, она уехала жить к дальним родственникам, чтобы мать могла лучше заботиться об остальных детях. Родственники через какое-то время погибли в трагической дорожной аварии и Надежда вернулась домой к матери. Так как она потеряла свои документы, – а документы в республиках бывшего Советского Союза настолько важны, что их потеря может быть использована против гражданина страны и привести к нарушению прав, – Надежде отказали в возможности учиться в местной школе, и мать отправила ее в школу-интернат для отстающих детей. В интернате Надежда часто прогуливала уроки из-за недружелюбного отношения к ней других детей, так что мать вскоре позволила ей оставить школу. Будучи теперь дома, Надежда ждала

новый паспорт, чтобы иметь возможность устроиться на работу.

На местном рынке ее мать познакомилась с женщиной, которая предложила помощь в поиске работы. Эта женщина привела ее к другой, по имени Татьяна, которая пообещала работу для Надежды продавцом в Москве. Позже, когда билет уже был куплен, Татьяна сообщила, что не смогла организовать работу продавцом, и что Надежда должна начать работать в других условиях: ей нужно будет показывать стриптиз перед веб-камерой в закрытой комнате. Татьяна гарантировала полную безопасность для девушки и заверила их, что Надежда будет защищена от всех возможных незваных гостей. Надежда испугалась, но мать уговорила ее поехать.

Надежду отправили в Москву поездом с поддельным паспортом. В купе вместе с ней ехал мужчина. Только после пересечения российской границы девушка поняла, кто это.

Приехав в Москву, он отвез Надежду в квартиру, где жили еще пять девушек. Они то и сообщили Надежде, в чем состоит ее работа, сказали, что Надежда должна принимать по несколько клиентов каждый день, и что ей лучше не протестовать и не сопротивляться. Иначе ее побьют, и не будут давать еду два дня как наказание. Наказанием также будет изнасилование.

За всеми девушками велось постоянное наблюдение в квартире, двери были закрыты.. Под жестким надзором их отводили к клиентам и, кроме того, заставляли искать клиентов на улице.

Через примерно три месяца Надежда и еще одна девушка смогли убежать с помощью сочувствующего клиента. Автостопом они добрались до украинской границы, где обратились за помощью к русским пограничникам.

Надежда сказала мне, что пограничники хорошо отнеслись к ней. Они поверили ее истории и помогли добраться до Киева. Там ее встретили представители Международной организации по миграции (МОМ), которым заранее сообщили о ее приезде. После медицинского обследования, они поместили ее в больницу, чтобы обеспечить медицинский уход. Через полтора месяца,

ее состояние позволило вернуть ее в Донецк, в ее семью. Так происходит согласно политике МОМ, всегда искать возможности реинтеграции ребенка в семье, несмотря на тот факт, что в данном случае мать была активной участницей ее вербовки. МОМ связался с «Женской Лигой» и Соней М., которая встретила Надежду по прибытии в Донецк и помогла ей вернуться к матери.

Для меня было очевидно, что отношения между Надеждой и Соней очень хорошие и основаны на взаимной уверенности и доверии. Надежду не принуждали рассказывать о том, что она пережила в Москве, когда она пришла в центр. По ее словам, что они действительно предложили ей – это поддержку, теплоту и дружбу. Они помогли ей восстановить прерванный контакт со школой и помогли информацией о различных возможностях профессиональных курсов, которые можно пройти в центре. У меня осталось впечатление, что самое важное, что они могли дать Надежде – это уважение, уверенность и доверие.

Позднее Надежда приняла их «предложение» помочь преодолеть последствия того страшного периода, когда ее, ребенка, принуждали к проституции. Она начала посещать Соню М. регулярно, они разговаривали о том времени, что Надежда провела в Москве. Сегодня она все так же благодарна организации, что эти консультации не были непременным условием и первым требованием для получения остальной предложенной помощи.

Реинтеграция Надежды не всегда шла легко. У нее были проблемы с окончанием школы, и взаимоотношения с матерью оставляют желать лучшего. “Я сказала ей о том, что произошло в Москве,” говорит она, “но я не думаю, что она действительно понимает”. Надежда выражает некое понимание по отношению к матери, так если бы она понимала растущие в той социальной среде, где находится ее семья, отчаяние и безысходность.

Год назад она встретила молодого человека, вышла замуж и у них родилась дочь, М., которой сейчас семь месяцев. Ее муж работает на заводе, а она нашла посменную работу уборщицы в торговом центре. “Ваш муж знает, через что Вам довелось пройти?” “Нет, но я думаю, он много о чем догадывается.” Она не хочет говорить с ним об этом; предпочитает оставить все в прошлом. Именно муж остался присматривать за маленькой М., когда Надежда отправилась в

город, чтобы встретиться со мной. Он может это делать, говорит она, кажется, немного удивившись своим же словам. Он может и готовить для ребенка, добавляет. Ее мать помогает с ребенком, когда она на работе. Надежда, ее муж и маленькая М. делят квартиру с еще одной молодой парой, но по тому, как она говорит о своей семье и жизни, для меня становится очевидным, что она очень хочет собственную квартиру.

История Надежды, мне кажется, завершилась на намного более позитивной ноте, чем истории других детей, потерпевших от торговли людьми. Тем не менее, Соня М., встречаясь в своей работе с такими детьми более пяти лет, подтверждает, что история Надежды – типичная история ребенка, пережившего ситуацию торговли людьми.

Стокгольм, Октябрь 2007 г.

Дети-иностранцы, подозреваемые в криминальной деятельности, или обнаруженные на улице без родителей и без взрослых, попадают в центральное отделение полиции Стокгольма. Здесь два социальных работника, входящих в постоянный штат, помогают своей квалификацией полиции и прокурору вести дальнейшую работу. Они посещают все допросы и затем разговаривают с детьми наедине, полностью концентрируясь на их нуждах. Они несут ответственность за попытки установить контакт с родителями или опекуном ребенка, и когда полиция заканчивает свою работу, они обязаны проследить, чтобы ребенок был помещен в приют или детский дом.

В разговоре со мной социальные работники подчеркнули тот факт, что их сотрудничество с полицией основано на взаимном уважении ролей друг друга, и что это большое преимущество – работать вместе и в таком тесном контакте. Они также сказали, что их отношения с социальными службами в Швеции и за рубежом хорошие и продуктивные, и это дает возможность сделать пребывание ребенка в отделении полиции как можно менее продолжительным.

Они редко встречаются со случаями торговли детьми, что, понятно, приводит к низкой статистике по проблеме. Шведский национальный центр зафиксировал три случая за период ноябрь 2006 – ноябрь 07. Даже если реальное число выше, торговля детьми все равно не является острой проблемой в Швеции. Однако соответствующие учреждения все больше и больше осведомлены о ней и ее основных характеристиках.

Социальных работников в полицейском участке, как и самих полицейских, у которых я брал интервью, больше беспокоит другое. Когда ребенок, не являющийся гражданином Швеции и не имеющий близких родственников в Швеции, попадает в отделение полиции в связи с криминальной деятельностью, основное предположение, которое возникает – что ребенок этот «обычный» преступник, а не жертва торговли людьми. Несовершеннолетний, конечно, но обычный. Этот факт может быть проиллюстрирован следующей историей ребенка, основанной на криминальном расследовании, продолжающемся в настоящий момент.

Одна 11-летняя девочка родом из страны в юго-восточной Европе, назовем ее Фэдра, в течение короткого периода времени была поймана полицией Швеции семь раз за карманные кражи в разных районах. Поскольку в Швеции нельзя арестовывать несовершеннолетних, Фэдру «возвращали» первые шесть раз мужчине, который приходил в полицейский участок и заявлял, что несет за нее ответственность. В седьмой раз, на окраине Стокгольма, полицейский не отдал Фэдру этому мужчине, поскольку вызвал подозрение документ, который тот предъявил, чтобы подтвердить свой статус опекуна. Это был своеобразный контракт, подписанный отцом Фэдры и дающий мужчине «право» забрать ее туда, куда он пожелает. Поэтому, вместо того чтобы отдать Фэдру пришедшему мужчине, полицейский связался с социальными службами, передал им девочку, после чего было возбуждено уголовное дело

Это покажется самым естественным, что можно было сделать в данной ситуации, однако абсурдно, почему же это не произошло до седьмой по счету поимки девочки полицией. Можно ли было подумать, что маленький ребенок из другой страны, пойманный за карманные кражи в Швеции, – «обычный преступник», действующий в одиночку по своей воле? Ребенок, который организовал свою поездку в Швецию из родной страны, решив, где и у кого он будет воровать. Но, как мне сказали социальные работники, и позже подтвердили другие полицейские, это нормальная процедура в таких случаях. И, если Вы дежурный полицейский, у Вас может быть несколько самых практических причин так поступать и, таким образом, делать это «странное» предположение:

- Карманные кражи являются четко определенным преступлением и если человек очень молод, им или ею занимаются социальные службы. С другой стороны, торговля людьми – это очень сложная криминальная проблема, в юридическом отношении и на практике. Расследование без сомнения также будет сложным, длительным и требовать личных и финансовых ресурсов. Оно повлечет за собой взаимодействие с другими странами и их руководством в правоохранительной сфере, причем некоторые из них используют абсолютно другие методы работы и у них другой взгляд на эту проблему. Даже страны-члены Евросоюза имеют существенные различия в этом отношении. И последнее, хотя и не мене важное обстоятельство: перспективы успеха в таком

деле не выглядят реальными, что важно для приоритетов внутренней полиции.

- Существует также проблема с юридическими определениями: предположим, человек, приходящий за ребенком, действительно является одним из его родителей или может доказать, что он или она действительно представляет родителей. Тогда возникает коварный вопрос: могут ли родители, прямо или непрямо продавать собственного ребенка? Родителей редко подозревают в торговле своими детьми, хотя мы знаем, что транспортировка и эксплуатация своего ребенка родителями явление нередкое. При таких обстоятельствах, не является ли само допущение, что это торговля людьми, нарушением прав человека?

Законсам по себе и правоохранительные органы отстают от реальности. Социальные работники, с которыми мне довелось общаться и которые встречались с такими детьми, настаивают на необходимости изменений в законодательстве, но еще больше – изменений на практике. Их поддерживают в этом служащие полиции, и вместе они настаивают, чтобы прокурор попытался довести одно из этих дел до суда, чтобы создать юридический прецедент. Сейчас они вынуждены наблюдать, как дети выпадают из системы социального обеспечения, обычно основанной на доброй воле ребенка. Они могут только наблюдать, как дети покидают детские дома семейного типа, где они должны были найти приют, чтобы вернуться к предполагаемым торговцам.

Опыт Швеции и случай с Федрой показывает, что недостаточно иметь хорошо функционирующие учреждения, высокий уровень осведомленности среди работников полиции, социальных работников, а также других представителей правовых и социальных структур. И если необходимо добраться до криминальных группировок и сетей, стоящих за торговлей людьми, решающим является то, что существует взаимосвязанная система законодательства, юридической практики и ресурсов, распределенных в соответствующих учреждениях. Все это – область политических решений.

Мариямполье, Январь 2007 г.

“Везде, где есть большая вечеринка – будь-то футбольный матч или партийная конференция – есть рынок секс-бизнеса.”

Моника Нильссон, социальный работник, Миннеаполис

“В период подготовки к Всемирному чемпионату 2006 г. средства массовой информации постоянно сообщали о том, что около 40,000 секс-работниц и женщин, принуждаемых к проституции, прибывают в Германию на период чемпионата. И в то время когда полиция и специальные консультационные службы на местах подтверждали, что количество работниц секс-бизнеса действительно возросло, огромное количество ожидаемых клиентов не наблюдалось. Как результат, секс-работницы начали уезжать из страны даже до окончания чемпионата.

Во время Всемирного чемпионата 2006 г. было возбуждено 33 криминальных дела по торговле людьми с целью сексуальной эксплуатации или пропаганды торговли людьми. Однако, всего 5 из них были напрямую связаны с чемпионатом.

Таким образом, предполагаемого роста количества криминальных дел по торговле людьми и относительно лиц, нелегально пребывающих в Германии с целью вовлечения в проституцию. Вов время Всемирного чемпионата 2006 г. не произошло. Присутствие полиции как до, так и в течение всего спортивного события безусловно имело сдерживающий и соответственно превентивный эффект. Информационные кампании, проведенные неправительственными организациями Германии и стран происхождения, скорее всего также имели положительное влияние.

Федеральное ведомство криминальной полиции Германии (Bundeskriminalamt): Федеральный ситуационный отчет о проблеме торговли людьми, 2006 г.

Я хочу пригласить вас в маленькую комнатку в подвале дома в литовском городе Мариямполье. Это город с населением около 50,000 человек, расположенный почти на самой польской границе. Едва ли известный обычному человеку, этот город однако хорошо знаком всем тем в Западной и Восточной Европе, кто серьезно занимается покупкой и продажей подержанных машин. Каждые выходные город превращается в гигантский рынок подержанных автомобилей, где старые машины

с запада находят свой путь на восток. Это главный рынок подержанных машин для целого региона. И можно с уверенностью предположить, что большая часть покупателей и продавцов – мужчины. Таким образом, каждые выходные Мариямполе полон мужчин, находящихся вдали от их семей.

В маленькой подвальной комнате я встретил двух действительно преданных делу социальных работников, один из них – это женщина по имени Гьедре из католической организации Каритас. Они познакомили меня с Кларой. Ей было 16, на момент нашей встречи она хорошо выглядела, однако появилась с грустной улыбкой и была очень задумчива. Ей требовалось много времени, чтобы подумать над ответом на каждый мой вопрос. Гьедре попросила меня перед встречей с Кларой быть с ней очень мягким и задавать вопросы в как можно более доброжелательной форме. Вскоре я понял, почему.

Клара жила в Каунасе, ближайшем большом городе. Ее отец умер, когда ей было пять лет, мать встретила другого мужчину и оставила Клару, чтобы начать с ним новую жизнь. Вот так просто.

Клара быстро росла и уже в 13 она встретила и полюбила женатого мужчину. Он был, как она сказала мне, плохим человеком. Он совершал над ней сексуальное и другое насилие.

Когда Кларе было 15, подруга предложила ей, чтобы избавиться от этого мужчины, поехать в Мариямполе и стать проституткой. Ей был дан выбор не быть одной с насильником ценой продажи своих услуг многим мужчинам. Она поехала, очень неохотно, но вместо того чтобы оказаться на улице, она услышала о Гьедре, Каритасе и их проекте от другой девушки, и пошла на встречу с Гьедре в эту маленькую комнату в подвале, где мы сейчас и находимся.

Клара пыталась совершить самоубийство семь или восемь раз. Последняя попытка была всего пару месяцев назад перед нашей встречей. Если бы не Гьедре и ее коллега из Каритаса, последнего и самого слабого звена в цепи, финансируемой благотворительными организациями, проходящей от католических организаций на западе через Вильнюс и Каунас к этой маленькой подвальной комнате на окраине Мариямполе, у Клары бы не было никого, чтобы поговорить о своей жизни и проблемах. Без них она могла бы стать молодой проституткой, продающей свои услуги торговцам машинами в Мариямполе. Без Гьедре и ее коллег она могла бы быть умереть.

Тут необходимо остановиться на двух моментах. Первый – очевиден: если бы не организации такие как Каритас и преданные своему делу но крайне низкооплачиваемые социальные работники как Гьедре, Литва имела бы очень большие проблемы с присмотром за своими же детьми.

Другой, намного более важный вопрос состоит в том, что не было бы такой огромной необходимости в Каритасе или Гьедре, если бы не было так много мужчин, желающих купить Клару и ее подруг в Мариямполье. Кто угодно, имея элементарные знания о том, как устроено общество, с легкостью бы предположил: если есть громадный авторынок, привлекающий множество мужчин вдали от дома, автоматически и немедленно возникнет большой рынок коммерческого секса. Гьедре сказала мне, что такой рынок работает через телефонную связь, так что его не так легко обнаружить, как это было раньше на дорогах, вдоль бесконечных рядов ждущих грузовиков на границах многих восточно-европейских стран.

Несмотря на спорную предсказуемость, рынок коммерческого секса существует. Так как известно, что такие обстоятельства благоприятны для его появления, можно поспорить, что мы способствуем его организации. И когда рынок секс-услуг уже существует и функционирует, мы в итоге просим Каритас сделать что-нибудь с жертвами эксплуатации. В маленькой подвальной комнате. Такая последовательность событий происходит во всем мире и во всем это регионе. Во многих городах, маленьких или больших. Во многих странах этого региона, где рынок коммерческого секса кажется для многих девушек и их родных самым быстрым или даже единственным возможным способом приобщиться к новому богатству, эти рынки будут возникать и оставлять за собой потерпевших.

Я спрашиваю Клару о будущем. Она отвечает, что хотела бы однажды помогать другим девушкам в такой же ситуации. Это не значит, что она полностью пережила то, что произошло. “Я никогда больше не поверю мужчине”, говорит Клара, “они все как животные.” Пройдет много времени, если время вообще поможет ей найти причину думать иначе.

Таким образом, кажется большая часть работы по противодействию торговле детьми, возможно по абсолютно естественным причинам, концентрируется либо на реальных потерпевших от этого явления, либо на группах риска, т.е. возможных потерпевших в будущем. Здесь можно поспорить, что это подход, ориентированный на ребенка. Клару предупреждали о том, что с ней может случиться, она даже смотрела известный шведский фильм на это тему “Лиля-4-ever”, который был распространен по всему Балтийскому региону с помощью Шведских властей. Она мне сказала, что смотрела его четыре раза. Сначала ей было жалко девушку, а потом было только чувство отвращения.

Превенция традиционно направлена на возможных потерпевших. Альтернативным подходом была бы работа, направленная на правонарушителей или преступников. Изменило бы это коренным образом ориентацию?

Можно возразить, что направленность усилий на потерпевших объясняется тем, что при этом подходе намного легче достичь консенсуса и на национальном, и на международном уровне. Практически невозможно, даже при самом строгом государственном режиме, допустить или толерантно относиться к торговле детьми. Всеобщая готовность к быстрому развитию международного сотрудничества на общих политических основаниях, которую показывают государства Балтийского моря и соседние страны, демонстрируя в других социальных сферах большие разногласия и даже иногда враждебность, является четким показателем.

Торговля детьми с целью сексуальной эксплуатации имеет прямое отношение к проституции и рынку коммерческого секса. Однако намного труднее разработать общий подход к проституции и легальному статусу покупателя / правонарушителя или к женщинам, продающим сексуальные услуги. Здесь мы видим серьезные отличия не только между странами по обе стороны Балтийского моря, но и между всеми Европейскими странами.

Таким образом, необходимо уточнить – объясняется ли направленность на потерпевших трудностью в достижении международного консенсуса в вопросах, в которых общественное мнение различно. Мы можем легко определить жертву и торговца, но намного больше проблем вызывает попытка определения человека, пользующегося услугами ребенка, клиента или группы людей, которые создают спрос на услуги ребенка, потерпевшего от торговли людьми.

Внимание может быть переключено на сторону спроса, и такое намерение было во время Всемирного футбольного чемпионата 2006 г., когда Шведский омбудсмен по обеспечению равных возможностей предложил бойкотирование турнира Шведской стороной, если власти Германии не сделают все возможное для остановки ожидаемого роста проституции в связи с этим событием. Цитата из отчета Федерального ведомства криминальной полиции Германии (Bundeskriminalamt), приведенная выше, показывает, что даже такая страна как Германия, с очень либеральным отношением к проституции как таковой, общественное мнение направлено против покупателей, что могло повлиять на Шведскую инициативу, может играть важную роль в противодействии проституции и связанной с ней торговле детьми.

Звенья в цепи оказания помощи

Различные этапы в историях большинства потерпевших, как показали истории Надежды, Клары и Федры, хотя они без сомнения значимы и для многих других случаев, формируют сложную цепь событий и контактов с различными учреждениями.

- вербовка
- фактическое насилие и эксплуатация сутенерами, организаторами и клиентами
- побег
- контакты с полицией и/или пограничниками
- встреча МОМ или представителями государственных органов
- перенаправление в местную организацию по месту проживания ребенка
- реабилитация
- возобновление связей со школой
- установление связей с профессиональными курсами
- помощь в улучшении контакта с семьей
- психологические консультации
- медицинская помощь

Эти стадии, каждая в отдельности или все вместе, поднимают ряд вопросов, на которые нужно найти ответы:

- Можно ли было предотвратить вербовку, транспортировку и последующую эксплуатацию, и если да, на какой стадии и кто это мог бы сделать?
- Как обращались с потерпевшими непосредственно перед побегом/ освобождением? Была ли вовлечена местная полиция? Было ли расследование, и были ли предъявлены преступникам обвинения?
- Какие договоренности были достигнуты для транспортировки потерпевших детей обратно в страну происхождения?
- Кто встретил их и как проходила встреча?
- Какая помощь им была предоставлена после первичной стадии защиты?
- Проходили ли они медицинское обследование и если да, то кто его проводил?
- Была ли проведена оценка психологического состояния и если да, то кем?

- Кто оказывал им помощь в воссоединении с семьей?
- Как и когда они были переданы обратно в семью?
- Кто встретил их и как?
- Были ли реализованы планы их реабилитации?
- Были ли потерпевшие дети активными участниками в планировании собственной реинтеграции?
- Как долго организация, ответственная за их реабилитацию и защиту, сможет поддерживать и ними контакт?

Каждый из этих этапов представляет довольно сложную проблему, часто с вовлечением большого количества лиц и организаций. Это становится видимым, если мы, например, посмотрим на цепь событий, повлекшую за собой побег Надежды и помощь, полученную в последствии. Её ситуация могла бы развиваться совсем иначе:

Сам побег: когда ей удалось сбежать, и она очутилась на улицах Москвы, ей очень повезло, что ее не заметила полиция. Полиция фактически могла ее арестовать за нарушение административного законодательства из-за пребывания в Москве без соответствующего разрешения. За арестом могло последовать направление Надежды в приют для детей без документов и позволяющий им находиться в Москве. Так могло произойти и во многих городах и регионах даже за пределами. Из таких транзитных приютов детей постоянно возвращают в страну, которая считается страной происхождения. Такие транспортировки организуются полицией и привычно выполняются, очень редко с проведением интервью, чтобы узнать, переживал ли он или она ситуации эксплуатации. Осуществление транспортировок основано на соглашениях между странами-членами Содружества Независимых Государств, СНГ⁵, согласно которому быстрое возвращение ребенка-мигранта может выполняться без лишней бюрократии. Способ возвращения в страну происхождения зависит от имеющихся ресурсов, поэтому иногда дети проводят больше времени в транзитных приютах, а иногда транспортировка осуществляется. Процесс пересылки ребенка в его родную страну также зависит, но в меньшей степени от контактов между соответствующими правоохранительными органами, но обычно российская полиция сопровождает детей до границы, где передает, например, украинской полиции. Украинская полиция в свою очередь сопровождает ребенка в транзитный приют, где он находится до 30 дней. В течение этого

⁵ Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Украина, Узбекистан

времени штатные работники приюта пытаются выяснить, где семья ребенка, и может ли она поддержать его или ее. Но мы еще вернемся к этому учреждению немного позже.

Такая цепь событий, из которых побег – это всего лишь одно звено, и все проблемы, связанные с ней, имеют крайне сложную структуру. Она будет сложной в любом случае и в любом регионе, но как мы увидим далее, сложность даже возрастает, когда мы переходим от индивидуального случая к более общей перспективе. Если рассмотреть учреждения, с которыми сталкиваются потерпевшие дети, такие как Надежда, Клара или Федра, мы увидим, что все они действительно очень разные. Они функционируют в соответствии с разными юридическими нормами, применяют разнообразные методы и имеют разные взгляды на свою работу. И что очень важно, имеющиеся в наличии финансовые ресурсы также очень сильно отличаются. Тем не менее, все эти разные учреждения вовлечены в единую и скоординированную систему предоставления помощи Надежде, Кларе и Федре. Излишне упоминать, что без реинтеграции в эту систему самих детей шансы успешной реабилитации сводятся к минимуму.

История Надежды к сожалению типична для многих других потерпевших. Но что также типично для потерпевших из этого региона, что если бы не МОМ и организации связанные с МОМ и также как МОМ финансируемые иностранными донорами, которые в действительности ими же и руководят, – например, такие организации как “Женская Лига” в случае Надежды, – для реинтеграции Надежды не существовало бы доступной поддержки.

Дети, потерпевшие от торговли людьми, имеют право на заботу, ее непрерывность и предсказуемость. Мы знаем, что чем более жестокое насилие или эксплуатацию пережил ребенок, тем более важными становятся эти предпосылки для оказания помощи, действительно ориентированной на ребенка. Надежде посчастливилось столкнуться с людьми и учреждениями, которые признали факт, что она жертва торговли детьми, и это дало ей возможность получать непрерывную поддержку и заботу с хотя бы минимальной предсказуемостью.

Роль МОМ и государственных учреждений

Давайте снова вернемся к Украине – помня, что она используется как модель в данном анализе – и посмотрим на некоторые важные звенья в цепи оказания помощи.

Статистика МОМ-Украина говорит нам, что за период 2000-2006 г.г. всего 3,544 потерпевшим от торговли людьми была предоставлена помощь МОМ (дети составляют меньшую часть). Больше половины из них были потерпевшие, отлученные от ситуации эксплуатации в России, Турции или Польше. МОМ дает заключение, что «Украина – одна из главных стран происхождения в Европе для проблемы торговли людьми». Довольно интересно, что цифры относительно организаций, которые направляют потерпевших в МОМ показывают огромную важность НПО. Почти 90% потерпевшим по статистике МОМ были направлены к ним НПО. Менее 2 % – правоохрнительными органами Украины. Легко предположить, что правоохрнительные власти сотрудничают с другими, государственными программами реинтеграции. Но это не так, по крайней мере, не в Донецке. С другой стороны, недостатка доверия между государственными органами и НПО тоже нет.

Украина ни в коем случае не остается равнодушной к проблеме торговли людьми и ее жертвам. Украина приняла закон по противодействию торговле людьми еще в 1998 г., намного раньше многих других стран в регионе. В Министерстве внутренних дел существует специальный департамент по борьбе с преступлениями, связанными с торговлей людьми, с региональными отделами по всей стране. Также растет осведомленность о проблеме среди правоохрнительных властей, политиков и общественности.

Ключевой проблемой, скорее всего, являются приоритеты защиты ребенка в общей социальной системе. Другой вопрос – качество работы государственных учреждений и, как показал случай Надежды, возможности для социальной и психологической реинтеграции потерпевших. Этот вопрос прояснился для меня окончательно после визита в некоторые украинские учреждения.

Приемник-распределитель

Лариса Зуб – психолог со званием майора. Она назначена Министерством внутренних дел директором приемника-распределителя для детей – малолетних преступников, правонарушителей и беспризорных. По словам Ларисы, некоторые мальчики и девочки, попадающие в приемник, действительно являются потерпевшими от торговли людьми.

Это именно тот тип учреждения, в который направили бы Надежду, если бы ее задержала полиция в Москве и она не добралась бы сама до русско-украинской границы.

Дети попадают в приемник – охраняемое учреждение, куда можно попасть только через контрольный пост и где спальные комнаты можно закрывать снаружи – либо по причине передачи властями другой страны, либо ареста за мелкие правонарушения, такие как карманные или магазинные кражи в Киеве, тогда как их семьи находятся в другой части страны. Во время моего визита в приемник, там были всего трое детей, два мальчика, пойманных за воровство, и одна девочка.

Стало очевидным с первых же слов нашего разговора, что Лариса Зуб больше психолог, нежели майор милиции. Она не носит униформу, как другие работники, и то, как она говорит о «своих» детях, показывает глубокую вовлеченность в их истории и судьбы. Но когда она повела меня на экскурсию в стенах приемника, я совершенно четко увидел ее дилемму.

Приемник-распределитель для детей был построен в 1935г. В то время за его толстыми стенами содержали взрослых. Хотя он находится в жилом районе и окружен обычными жилыми многоэтажками, он сразу же производит впечатление тюрьмы старого типа. Лариса пытается найти финансирование, чтобы его полностью отремонтировать и обновить. Последний раз подобный ремонт проводился в 1953 г. и сейчас видно даже невооруженным глазом, что здание разваливается. Когда случился пожар на кухне и все оборудование было уничтожено, Лариса обратилась к частным донорам с просьбой о новом оборудовании чтобы можно было кормить детей. Она обеспокоена, но говорит, что ей пообещали деньги.

Реабилитационный центр МОМ

Абсолютно противоположное впечатление осталось у меня со встречи с Ольгой Маличенко и Ириной Лысенко из реабилитационного центра МОМ в Киеве. Они полностью удовлетворены и техническими ресурсами, и финансовыми средствами в своем распоряжении для выполнения работы по обеспечению помощи взрослым и детям, потерпевшим от торговли людьми. Центр финансируется международными донорами посредством МОМ, и у них нет проблем в привлечении хорошо квалифицированного персонала, хотя специалисты по потерпевшим от торговли людьми встречаются не так часто. Контраст и в доступном оборудовании, и в условиях работы по сравнению с приемником распределителем для детей поразительный.

В центре МОМ дети проводят до трех недель, перед тем как их отправляют назад в семью и/или их родной город. Они проходят медицинское обследование и получают медицинский уход, а также психологическую поддержку. У центра очень хорошие отношения с правоохранительными органами, не в последнюю очередь благодаря тому факту, что – как осознали работники правоохранительных структур – потерпевшие, получившие хорошую помощь и поддержку, больше склонны помогать полиции в расследовании преступления. Сотрудники МОМ никогда не принуждают потерпевших к сотрудничеству с полицией, но поощряют это.

Ольгой Малинченко убеждена, что видимой является только маленькая часть проблемы торговли детьми, и что дети, которых они видят у себя в центре, отнюдь не равны общему количеству детей-потерпевших, возвращающихся в Украину. Она пришла к такому выводу благодаря тому факту, что на данный момент более семи миллионов украинских граждан работают за границей, и, как показывает последнее исследование МОМ, статистика по торговле людьми обычно связана с миграционной статистикой. Но Ольга Малинченко также говорит о том, что само явление торговли людьми изменяется. Если раньше она видела потерпевших (чаще всего от сексуальной эксплуатации в проституции), которые пережили очень жестокую эксплуатацию в течение длительного периода времени – года или более, то сейчас это другой вид эксплуатации и более короткий период. В среднем она говорит о нахождении потерпевших за границей в течение четырех месяцев. Также появляются новые «методы» и способы, с помощью которых заканчивается этот первый период эксплуатации. Сутенеры, которые раньше забирали все деньги, теперь начали платить часть потерпевшей девушке. Таким образом, собственное восприятие девушкой ее отношений с сутенером меняется от просто эксплуатации к чему-то более двусмысленному и неопределенному. Это сильно угнетает и усиливает у потерпевших чувство вины.

Донецкая областная Лига деловых и профессиональных женщин

И снова в Донецке. Людмила Горвая основала “Женскую Лигу” в ответ на резкое ухудшение условий работы для женщин после падения коммунистического режима. Её целью было обеспечить безработным женщинам профессиональное обучение и интеллектуальную поддержку. Вскоре программа деятельности была расширена до социальных проблем, таких как насилие

против женщин и торговли людьми. В этой области они начали с обеспечения информацией как способа профилактики. Но вскоре они продвинулись до предоставления практической помощи потерпевшим. Их программы финансируются только донорами и ни копейки поддержки от государства или городских властей. Хотя последние хоть как-то помогают, обеспечивая организацию помещением в сыром и холодном здании в центре Донецка.

Вся работа организации основана на проектах с разными и иногда многочисленными донорами. Первым донором «Женской Лиги» была американская организация, которая с самого начала поставила в известность, что не будет поддерживать организацию более чем ограниченным и заранее оговоренный период.

В настоящее время Людмила Горová руководит семью разными проектами, которые одновременно реализует организация. Все они спонсируются разными организациями и ни один не длится дольше восьми месяцев. Весь ее объем работы как руководителя организации состоит из фандрайзинга: заполнение и просмотр проектных заявок и подача отчетов. В данный момент она старается получить финансирование от местных предпринимателей. Она делает это еще и по той причине, что боится уменьшения международной поддержки в ближайшем будущем.

Она рассказала мне о политике главного донора: первый год ее организация получила 100,000 американских долларов, при этом донор поставил условие, что поддержка постепенно будет уменьшаться, и последний год сумма составляла уже 50,000. Текущие семь проектов прибавляют к годовому расходу, который составляет 306,000 амер. долларов.

Эта длинная цепочка, начинающаяся от общественных фондов помощи, частных фондов и других доноров в странах Запада, со своей политикой обращения и отчетности, через посредников как МОМ или другие международные организации, которые в свою очередь имеют собственную программу и интересы, наконец доходящая до организаций, работающих по проблеме, таких как “Женская лига” в Донецке. В конце этой цепочки стоят такие как Людмила Горová, чье время полностью поглощают административные задачи. Одна из ее коллег говорит об этом так: “Вы получаете деньги на год, расходуете их по назначению за полгода, затем в течение трех месяцев вы начинаете обращаться за другим финансированием и оставшиеся три месяца вы сидите и ждете ответа.”

Для ребенка или молодого человека, которые зависят от помощи, предоставляемой организацией в конце этой пространной финансовой цепочки, тот факт что цепочка действительно длинная может означать поддержку в течение очень короткого периода времени. В результате – ограничение возможностей для успешного реинтеграционного процесса. Ребенок, нуждающийся в помощи, который появляется на пороге организации, зависимой от иностранных доноров, на седьмой месяц 12-месячного проекта, соответственно должен быть предупрежден, что поддержка, которую он получает, может закончиться через пять месяцев. Это не только приносит вред из-за недостатка времени, но это также будет иметь негативное влияние на жизненно важное построение доверия. Ребенок, пострадавший от насилия эксплуататоров не так легко станет доверять взрослым и фактически будет воспринимать любой признак недостатка преданности как дополнительное свидетельство своего общего ощущения, что он/ она должен продолжать самостоятельно заботиться о себе, так как взрослый мир мало что делает для этого. Вот так механизмы отчетности донорских организаций и перспективы краткосрочного финансирования наносят ущерб оказанию прямой помощи ребенку.

Оценка системы оказания помощи

Цепь системы защиты ребенка или социальной системы, предполагающей предоставление помощи потерпевшим от торговли людьми, состоит, как мы уже увидели, из трех видов учреждений:

- государственные органы (министерство внутренних дел, полиция, приемники-распределители / транзитные приюты и др.)
- международные организации, иногда берущие на себя роль государства
- национальные организации, выполняющие задачу государства или местных властей

Очевидно, что во многих странах это региона существуют неясная взаимосвязь между этими тремя типами учреждений. Еще более очевидна громадная разница в финансовых ресурсах в зависимости от правового статуса организации. Другими словами: ребенку, потерпевшему от торговли людьми в Украине, о котором заботится непосредственно МОМ, финансируемые МОМ организации или те, что работают с ними в тесной связи, повезло встретиться с хорошо обеспеченными необходимыми ресурсами структурами. Другие дети могут не быть настолько удачливыми.

Но перед тем как проводить дальнейший анализ проблем и рисков, с которыми сталкиваются потерпевшие, давайте посмотрим, чего удалось достичь, улучшая положение таких детей или детей группы риска.

«Надежду встретили представители МОМ, которым заранее сообщили о ее приезде»

Очевидно, что в большинстве стран региона, базовая система для оказания помощи детям, потерпевшим от торговли людьми, установлена. Намного сложнее, я бы даже сказал невозможно оценить степень ее функционирования. Большинство работающих с потерпевшими из тех, с кем я встречался, боятся, что мы видим всего лишь меньшую часть реального количества потерпевших.

Трудности в оценке эффективности сети организаций естественно связаны с недостатком достоверных данных. Но они также возникают из-за сложного состава организаций и учреждений, ответственных за сеть: это объединение ряда министерств, государственных органов, муниципальных и региональных структур, международных организаций и НПО. Существуют значительные отличия между странами региона и как они это организуют. Некоторые страны имеют достаточно хорошо организованную систему, где защита детей, потерпевших от торговли людьми, осуществляется структурами, контролируемые соответствующими министерствами. Некоторые страны находятся в ситуации возникновения государственных структур, поддерживаемых международными организациями, такими как Каритас или МОМ. В других странах может существовать большая и хорошо заметная дистанция между НПО с международным финансированием и государственными учреждениями. В Украине, например, МОМ предоставляет наилучший обзор ситуации, и именно они собирают и интерпретируют данные, которые затем предоставляются государству, а не наоборот. В Дании, ответственность за сбор данных лежит на Национальном обществе Красного Креста, которое уполномочено государством. Недавно созданный Национальный центр по противодействию торговле людьми должен следить за наличием национального механизма перенаправления и его оперативной работой. Ключевой вопрос – кто же в результате несет ответственность за функционирование сети? Наиболее информированные организации, часто поддерживаемые международными донорами, или же национальные/государственные органы, у которых обычно существует нехватка финансирования и которые возможно страдают оттого, что в приоритетах их деятельности борьба с торговлей людьми стоит ниже, чем другие важные вопросы?

“Надежда сказала мне, что пограничники хорошо отнеслись к ней. Они поверили ее истории и помогли добраться до Киева”.

“В седьмой раз, на окраине Стокгольма, полицейский не отдал Федру этому мужчине, поскольку вызвал подозрение документ, который тот предъявил, чтобы подтвердить свой статус опекуна”.

Одно, с чем соглашались все, работающие с этой проблемой, все с кем мне довелось общаться во время моих поездок: произошли изменения, иногда даже радикальные, уровня осведомленности о проблемах, связанных с торговлей людьми, и понимания уязвимости потерпевших. В Литве, как и в некоторых других странах, НПО, работающие с потерпевшими, даже проводят семинары для правоохранительных органов. На этих семинарах они информируют представителей полиции о проблеме, а также делятся профессиональным опытом – как проводить интервью с потерпевшими детьми. В Санкт-Петербурге взаимоотношения между НПО и полицией иногда немного сложнее. Но даже в такой ситуации, я узнал несколько неформальных способов сотрудничества, например, когда местная НПО, работающая с детьми улицы, так важна для полиции, что взамен они обеспечивают своего рода защиту полиции для их полевых работников. Официальный представитель Польского Министерства внутренних дел сказал очень четко, что движущей силой в этих вопросах являются национальные НПО.⁶

В то же время, каждый согласился, что еще далеко не вся работа по повышению осведомленности сделана, особенно среди групп риска, таких как молодые девушки в социальных обстоятельствах, схожих с обстоятельствами Надежды и Клары.

⁶ См. отчет Четвертой встречи представителей Национальных центров в Варшаве:

<http://www.childcentre.info/contactpoints/ncpmeetings/dbaFile14814.html>

Недостаток достоверной статистики

Сколько таких Надежд, Клар и Федр? По прошествии более декады пристального внимания к этой проблеме на национальном и международном уровне, никто не может ответить. Это не значит, что нет никаких цифр. Давайте еще раз возьмем Украину как пример.

Официальная статистика, предоставленная правоохранительными органами в Киеве, показывает, что в 2006 г. выявлено 393 потерпевших, 92м из которых – до 18 лет.

В отчете МОМ в Украине от декабря 2006 г.⁷, предполагаемое количество потерпевших из Украины – более 115,000 человек. Хотя не совсем ясно, это общая цифра или за определенный период, она следует общей модели отчетности по торговле людьми. Некоторые, или даже большинство цифр крайне высоки, тогда как официальные цифры по идентификации и официально признанным делам остаются на удивительно низком уровне. Разница между этими показателями часто астрономическая.

Одна из часто упоминающихся цифр, что около двух миллионов людей в мире ежегодно попадают в ситуацию торговли людьми. Точно неизвестно, какое количество из них дети и сколько потерпевших от внешней торговли людьми.

Чтобы получить более четкую картину, сколько детей было вовлечено во внешнюю торговлю людьми в регионе Балтийского моря, я обратился к Национальным центрам в странах, входящих в Совет Государств Балтийского Моря. Одна из их задач – это вести статистику по торговле детьми. Их попросили сообщить количество случаев за период ноябрь 2006 – ноябрь 2007. Полученные ответы также следовали модели отчетности, показанной выше:

⁷ Human trafficking survey: Belarus, Bulgaria, Moldova, Romania and Ukraine, Dec 2006. Исследование доступно на сайте www.gfk.com

Дания: 14 случаев предполагаемой торговли детьми
Эстония: не зафиксировано
Финляндия: 5 случаев⁸
Исландия: не зафиксировано
Латвия: 5 случаев
Литва: 3 случая⁹
Норвегия: 23 случая
Швеция: 3 случая
Беларусь: 23 случая

Германия: 62 случая¹⁰

Цифры получены Центрами от полиции, государственных органов, общественного руководства и НПО. И норвежский, и шведский Национальные центры отметили, что статистика недостоверна.

Здесь важно отметить две вещи. Первое – что общее количество случаев относительно невелико. Второе – что количество случаев внешней торговли людьми в регионе Балтийского моря также относительно мало. Из общего количества 76 всего 8-9 случаев внешней торговли людьми из одной страны региона в другую.

В своем ежегодном ситуационном отчете по проблеме торговли людьми за 2006 г., Федеральное ведомство криминальной полиции Германии (*Bundeskriminalamt*) сообщает о 62 случаях торговли детьми (из которых только 4 случая являются внешней торговлей с вовлечением региона Балтийского моря). Это цифра также подтверждает общую тенденцию.

Вероятно реальное количество детей-потерпевших в регионе выше из-за упущений как в противодействии этому преступлению, так и в отчетности. Однако, кажется неправдоподобно, что внешняя торговля людьми в целом и в регионе Балтийского моря в частности, составляет большую часть всей проблемы торговли людьми.

⁸ Основано на статистике приемника в г. Оуло, Финляндия.

⁹ Статистика Литвы за 2007 г.

¹⁰ Из отчета Федерального ведомства криминальной полиции Германии, 2006 г.

Даже квалифицированные исследователи, назначенные серьезными политическими лидерами и учреждениями, не могли понять этих цифр. И не могли они объяснить такое разительное отличие между предположительным количеством детей, потерпевших от торговли людьми, и статистикой полиции и других организаций и учреждений. Достаточно сказать, что многие, если не большинство политических и финансовых решений основаны на, в лучшем случае, неточном, в худшем – катастрофически некачественном статистическом материале. Тоже можно сказать и о многочисленных кампаниях для повышения уровня осведомленности общественности о проблеме.

Утверждать, что статистика недостоверна, значит ничего не сказать. Каждый отчет, с которым я знакомился, либо заканчивается, либо начинается этой фразой. Красноречивее всяких слов тот факт, что даже госпожа Карин Ландгрэн, глава Управления ЮНИСЕФ по защите интересов детей, говорит о существенной необходимости достоверных данных как об одном из ключевых факторов для борьбы с торговлей людьми¹¹. Причины очевидны. Недосток достоверных данных может привести только к неверным решениям. Это включает и постоянную вероятность непризнания проблемы или, по крайней мере, масштабов проблемы. Защита прав ребенка-потерпевшего – политический вопрос. Таки образом дети должны быть представлены другими в политической дискуссии, неважно на каком уровне – национальном или международном. Соответственно, не в интересах ребенка, чтобы защита или борьба за его права опиралась на слабое или даже неправильное эмпирическое основание. В борьбе за права детей, потерпевших от торговли людьми, это без сомнения приведет к обратной реакции.

¹¹ Из выступления на семинаре посольства Швеции «Остановим торговлю детьми», 6 ноября 2007 г., Вашингтон, США.

Внутренняя и внешняя торговля людьми

Существуют национальные и международные юридические определения явления торговли людьми и потерпевшего от этого явления. Более того, существует тенденция, что все больше и больше стран в регионе Балтийского моря совместно используют определения, таким образом, облегчая сотрудничество юридических лиц. Тем не менее, до сих пор остаются открытыми и спорными вопросы о том, как определить торговлю людьми и человека, потерпевшего от нее.

Самым важным в контексте настоящего отчета относительно международного сотрудничества в борьбе против торговли людьми является фактическое различие внешней и внутренней торговли людьми. Очевидно – и естественно – что международный интерес к проблеме торговли людьми и потерпевшим как со стороны общественности, так и в политической сфере, главным образом возник из-за явления внешней торговли людьми, хотя это не главная или даже не самая большая проблема. Проблема внутреннего явления намного больше, возможно влекущее за собой внешнее между странами с незащищенными или плохо защищенными границами, как между Россией и Украиной, или Россией и Беларусью. Работа над этим отчетом убедила меня, что внутренняя торговля людьми и внешняя торговля людьми через эти достаточно незащищенные границы, составляет большинство случаев торговли детьми в регионе Балтийского моря. Другого объяснения огромной разницы между общей статистикой относительно этого преступления и статистикой, предоставленной различными правовыми и социальными структурами, связанными с внешней торговлей людьми, просто не может быть.

Однако, общественное внимание более богатых стран приковано к внешней торговле людьми. Это даже к лучшему. Внешняя торговля людьми мобилизует финансовые ресурсы богатых стран и предлагает этически легко разрешимую дилемму: “Можем ли мы на Западе эксплуатировать нуждающихся?” “Нет”! Совместными усилиями в борьбе против внешней торговли людьми, мы даем донорам – частным лицам и организациям – шанс побороть или противостоять современному рабству.

Внутренняя торговля людьми, другой стороны, это проблема главным образом отдельно взятой страны. Это причем очень большая разница, если мы говорим о странах с очень ограниченными финансовыми ресурсами для решения проблемы и помощи потерпевшим или очень ограниченной заинтересованностью в этом. Но для самих потерпевших не столь важно, говорит покупатель на родном языке или нет. Также это не имеет большого значения, по моему впечатлению, для людей, работающих с потерпевшими. Но поскольку большая часть этой работы финансируется международными донорами и финансирование основано на политических решениях, которые в большей степени принимаются после оживленных публичных дебатов, вызванных существованием внешней торговли людьми – то всегда существует скрытая угроза жизнестойкости. Что случится с международной поддержкой, если выяснится, что торговля людьми – это в большей степени внутренняя проблема?

Более богатые страны затем сталкиваются со сложным нравственным вопросом: Должно ли международное сообщество вмешиваться, только если существует четкий, видимый международный аспект, как например внешняя торговля людьми, и позволить внутренним проблемам оставаться проблемами конкретных стран? Или все же наш моральный долг вмешаться? Существует ли политическая воля, поощряющая вмешательство? Парадоксально, но эта проблема встанет даже более остро, если борьба с внешней торговлей людьми будет успешной. Сегодня возможно опубликовать в шведских средствах массовой информации историю о ребенке, скажем из Молдовы, ставшем жертвой торговли людьми в Швеции. В то же время очень маловероятно, что такой же уровень интереса возникнет к ребенку, который попал в ситуацию торговли людьми в Москве или Киеве, не беря во внимание, если это случилось внутри страны. Интерес средств массовой информации в этих вопросах, как было уже сказано ранее, очень важен и для получения финансовой поддержки на работу с детьми, и для получения поддержки для политических решений.

Я ни в коем случае не утверждаю, что было бы плохо, если бы внешняя торговля людьми была остановлена, просто необходимо сказать, что достижение такого результата могло бы вылиться в угрозу силам, влияющим на предоставление помощи, – влияющим политически, и что еще важнее, финансово.

Другой подход

Во время работы над этим отчетом, который, как упомянуто в предисловии, первоначально был нацелен на самые практические аспекты ситуаций, которые пережили потерпевшие от торговли людьми, я увидел большую необходимость в другом подходе. Я обнаружил, что ведется активная дискуссия об этих практических вопросах среди тех, кто напрямую работает с ними. Это не значит, что проблемы решены, но они признаны и стали объектом как внутренних, так и внешних дискуссий, как, например, во время тренинговых программ Совета Государств Балтийского Моря. Но когда я спросил социальных работников, психологов, представителей международных и неправительственных организаций – о самых ключевых проблемах, с которыми им приходится сталкиваться в своей работе, то от базовых нужд они перешли к вопросам абсолютно другого уровня. В этой части отчета, я попытаюсь обратиться к некоторым из этих аспектов..

Согласно моему видению, есть четыре важных аспекта процесса, описанного выше, и которые необходимо осветить, беря за пример Надежду, Клару и Федру, как детей, потерпевших от торговли людьми:

- *Рациональность*: были ли доступные средства использованы эффективно – в финансовом, административном и другом отношении??
- *Жизнестойкость*: насколько стабильна и насколько сильна цепь – круг вовлеченных учреждений, – и насколько надежна финансовая поддержка?
- *Ответственность*: в большой и запутанной сети учреждений, кто ответственен в целом за “систему”?
- *Подотчетность*: кто несет политическую ответственность, на национальном и международном уровне?

Рациональность

Давайте в последний раз вернемся в Донецк, к Людмиле Горовой, руководителю «Женской лиги», НПО, которое занимается реабилитацией потерпевших от торговли людьми. Когда мы говорили о проблеме с краткосрочными проектами, сложностях при работе с заявками на финансирование, и постоянном

стрессе из-за необходимости подавать отчеты, что у каждого донора есть своя особенная система отчетности и требования, она повторила то, что было сказано всеми остальными представителями НПО, с которыми я общался.

Это смущает своей очевидностью, но именно перспектива поддержки донором определяет модель работы в этой области. Это может привести и к большим преимуществам, поскольку, например, такая перспектива может привнести новые знания и новые методы работы в рте страны и регионы, которые очень в этом нуждаются. НПО и организации гражданского общества учатся работать на проектной основе, ставить реальные цели, с помощью которых можно оценить результаты. Это гарантирует множество подходов, которые могут оказаться продуктивными для стран, проработавших долгое время лишь с одной моделью решения проблемы. Следовательно, такой плюралистический вклад и обмен опытом никогда не идентифицировался как проблема людьми, работающими в этой сфере, из тех с кем я встречался.

Проблема в администрировании. Возникает ощущение, что международные донорские организации не до конца понимают, что значит для получателя грантов зависимость от поддержки нескольких доноров, и что аппликационные формы и формы отчетности полностью определены донорским организациями.

Чтобы дать представление о сложности ситуации, я представляю некоторую статистику, относящуюся, в основном к Украине, но общая тенденция свойственна большинству стран, вовлеченных в международную систему борьбы с торговлей людьми.

МОМ в Украине является центральным, возможно, самым центральным звеном, связывающим доноров и получателей финансирования для проектов и программ, направленных на противодействие торговле людьми в стране. Организация как таковая целиком финансируется организациями за пределами Украины. На их официальном сайте перечисляются следующие 10 доноров:

Национальное общество Красного Креста Дании

Европейский Союз

Бюро по международным вопросам борьбы с наркотиками и правоох-

ранительной деятельности (INL)
Министерство иностранных дел Италии
Министерство иностранных дел Дании
Шведское агентство по международному развитию и сотрудничеству (SIDA)
Швейцарское бюро сотрудничества (SDC)
Агентство США по международному развитию (USAID)
Государственный департамент США
Международный Детский Фонд

Затем MOM в Украине представляет количество своих местных партнеров и их деятельность:

1. Превенция и Адвокация. Посредством сети более 75 НПО и украинских государственных органов, MOM координирует большой объем превентивной деятельности, включая различные информационные кампании, «горячие» телефонные линии, методические материалы для учителей школ, тренинги для журналистов и т.д.
2. Криминализация и Уголовное преследование. MOM обеспечивает правоохранные органы технической и образовательной поддержкой и финансирует поездки в страны назначения с целью улучшения международного сотрудничества для уголовного преследования торговцев.
3. Защита и Реинтеграция. Офис MOM в Киеве обеспечил реинтеграционную помощь более 4,000 потерпевшим от торговли людьми начиная с 2000 г. Реинтеграционная помощь MOM включает безопасное возвращение, возобновление утерянных документов, медицинское и психологическое консультирование, профессиональное обучение, гранты на реинтеграцию и юридическую поддержку.

Уже сейчас это кажется очень сложной системой, но если добавить сюда еще и описание активностей одного из доноров, концентрируя внимание на его усилиях в этой области, – Международного Детского Фонда – картина станет еще более запутанной.

Международный Детский Фонд, в соответствии с информацией на вебсайте, вовлечен в более чем 100 проектов в двенадцати странах, один из них реализуется в Украине. В этом году общая сумма для поддержки проектов была 42 миллиона американских долларов. Украина не является для них приоритетной страной, тем не менее Международный Детский Фонд поддерживает шесть украинских организаций. Одна из них – «Женский консорциум Украины», который является зонтичной организацией для более 160 НПО по всей стране.

Итак, в такой системе как эта, кроме крайней сложности только из-за количества действующих лиц, можно выделить по крайней мере три уровня, где есть определенные проблемы:

- Правовой статус вовлеченной организации (национальная, международная, общественная)
- методы работы
- идеология

Должно быть, существует момент, когда плюрализм превращается в хаос, или по крайней мере, угрозу хаоса. Отчет, упоминавшийся ранее, исследовавший конкретные случаи торговли людьми в Юго-Восточной Европе, подтверждает, что для потерпевших это также проблема.¹² В то же время, в отчете говорится:

“Тип и количество вмешательств – от идентификации до прямой помощи – имели значительные различия не только между странами, но и в пределах одной страны. Вдобавок, модели программ и идеология отличались от организации к организации. Для самих потерпевших были непонятны некоторые модели предоставления помощи (т.е. закрытые и открытые приюты, программы по месту жительства и наоборот), а также правила и ограничения, применяемые во многих программах. С этим вопросом очень тесно связан общий недостаток мониторинга и оценки моделей предоставления помощи и профессионального вмешательства.”

Существует, мягко говоря, длинный путь от, скажем, самого большого донора USAID до Людмилы Горовой, которая вероятно одна из «самых малень-

¹² Rebecca Surtees: Listening to victims. International Centre for Migration Policy development 2007

ких» получателей. И это если не вспоминать всех посредников со своими собственными программами и специфическими нуждами. Анализ этой системы, ее структур и дальнейшей эффективности выходит далеко за рамки данного отчета. Однако без сомнения такое исследование необходимо. Не потому что доноры имеют право знать, где в конечном счете оказываются их деньги и используются ли они рационально – в первую очередь из-за уязвимости детей-потерпевших и работы, выполняемой преданными своему делу социальными работниками.

Жизнестойкость

Разделяя сумму финансовой поддержки противодействия торговле людьми в конкретной стране, как например Украина, по количеству получающих организаций, а затем по количеству проектов, для реализации которых оно предназначено, можно сделать вывод, что территория распространения денежных средств огромна. Это предполагает общую тенденцию незаинтересованности доноров в долгосрочных проектах, требующие одноразового обязательства выплаты большей суммы. Причины такой тенденции должны быть разумны, так как это предупреждает инвестиции в базовые структуры, такие как помещение, и минимизирует коррупцию. Краткосрочные проекты также облегчают донорам демонстрацию использования грантов тем, кто вкладывает средства в финансирующие организации. Краткосрочные проекты также обеспечивают возможности быстрого прекращения сотрудничества, что может быть важно для донорских организаций, если возникнут сомнения относительно страны, темы, региона или организации-получателя.

Все это понятные мотивы, стоящие за приоритетами доноров, но они также должны понимать, что это составляет прямую угрозу возможности установления длительных отношений с потерпевшими, для помощи которым эти программы предназначены. Длительные отношения крайне важны по двум причинам. Во-первых, все психологи, с которыми я встречался, говорили о необходимости длительного периода времени для установления контакта с потерпевшими, что затем дает возможность предоставить психологическую помощь. Во-вторых, в действительности мало что известно о том, сколько потерпевших опять оказываются в ситуации насилия и эксплуатации после

попыток получения помощи. В некоторых отчетах утверждается, что уровень повторного попадания в ситуацию торговли людьми высок, даже в случаях получения потерпевшими квалифицированной помощи. Впечатление, которое у меня создалось после общения с потерпевшими и социальными работниками, это то, что при медленном экономическом развитии некоторых стран и регионов, создается высокий риск для молодых людей, потерпевших от торговли людьми, повторного попадания в проституцию или вовлечения в криминальную деятельность. Это показывает срочную необходимость установления длительного и продолжительного контакта с ребенком-потерпевшим.

Короткие временные рамки остаются, пожалуй, самой серьезной угрозой устойчивого развития деятельности в работе с ребенком-потерпевшим.

В настоящий момент, большое количество донорских организаций с одной стороны и развивающееся гражданское общество, вмещающее в себя различные НПО с другой рождает также и сильную конкуренцию между местными НПО и большими международными организациями. Это особенно заметно, если координация со стороны правительства на национальном или местном уровне слабая, а то и совсем отсутствует. Общаясь с представителями местных НПО работающих с детьми улицы в Санкт-Петербурге – проблемой, в решении которой городские власти не сильно заинтересованы – стало очевидным, что существует жесткая конкуренция между ними за деньги и интерес доноров. Каждая организация борется за две вещи: детей, которым они помогают, и выживание самой организации.

Конкуренция между НПО-получателями грантов может иметь некоторые довольно странные побочные эффекты. Один из них – это достаточно искаженное описание реальной ситуации. За день пребывания в Санкт-Петербурге я посетил три разные организации с большим опытом работы детьми улицы. Я получил три абсолютно разных описания ситуации от трех организаций относительно типа проблемы и ее серьезности.

Цифры, показывающие количество детей, живущих на улице, варьировались от 1,000 до 30,000 и по крайней мере одна организация открыто заявила, что они осознают существующие различия в оценке ситуации. Беря во внимание

фундаментальную недостоверность данных, принимаемые решения могут основываться на искаженной информации не только относительно количества детей улицы в Санкт-Петербурге, но и относительно количества детей, потерпевших от торговли людьми.

В добавление к сказанному, были и другие интересные отличия в их описаниях ситуации относительно принципов и методов работы. Скорее всего, главный вопрос для работающих с детьми улицы – помогать детям «там, где они есть» или же забирать их с улицы. Идут также дебаты относительно учреждений – должны ли они быть открытого или закрытого типа. «Линия раздела» проходит между государственными учреждениями и НПО. Это объяснимо в контексте политического прошлого стран с коммунистическими и /или сильными авторитарными традициями, но различия были и между НПО, которые я посетил. Представитель одной из НПО сказал так: «Именно ежедневная помощь едой и одеждой, предоставляемая международными организациями, помогла детям остаться на улице и таким образом эффективно блокировала попытки других организаций забрать их оттуда». Материальная помощь в этом случае уменьшила мотивацию ребенка оставить уличную жизнь. У детей, потерпевших от торговли людьми, с которыми я встречался, не было похожих ситуаций выбора. Вернуться к жизни, в которой есть насилие и эксплуатация, не было свободным выбором. Другие потерпевшие, однако, могут столкнуться с подобной дилеммой. Некоторые дети-потерпевшие, эксплуатируемые в криминальной деятельности, как в случае с Федрой, будут идентифицировать себя с ролью преступника, а не жертвы торговли людьми, и могут быть склонны выбрать жизнь, менее контролируемую взрослыми.

Различия, продемонстрированные организациями, работающими с детьми улицы могут отображать и не отображать различную идеологию и методологию донорских организаций. Конкуренция между организациями за получение финансирования показывает, что местные НПО изучили – они были обязаны это сделать – на какую методологию определения проблемы реагируют западные доноры. Как твердо заявил социальный работник одной из местных НПО: «Мы можем достать финансирование для детей улицы, хотя они не являются уже для нас приоритетом, но не можем для помощи ВИЧ-инфицированным наркоманам, с кем мы в данный момент работаем». В контексте этого отчета, утверждение можно перефразировать: мы можем достать финанси-

вание для помощи детям, потерпевшим от международной торговли людьми, но не для детей, потерпевших и эксплуатируемых в своей стране.

Очень специфичный аспект работы по предоставлению помощи детям-потерпевшим касается возможности НПО действовать свободно.

В настоящем отчете не один раз упоминалось о фундаментальной роли, которую играют НПО в данной «системе». Последние политические перемены в некоторых странах региона Балтийского моря дают особую причину для размышлений по этому поводу.

В последние годы политика России и Беларуси, стран с большим количеством потерпевших от торговли людьми, по отношению к НПО в целом и НПО, финансируемым международными донорами, в частности, изменилась, в некоторых случаях радикально. В России эти перемены касаются НПО, работающих непосредственно в области защиты прав человека, что привело к ухудшению условий их работы. В Беларуси принят новый закон, который требует у всех ранее признанных НПО повторной подачи заявки для возобновления статуса. В результате, всего лишь одна пятая из всех ранее признанных организаций, были признаны повторно. Поскольку мы знаем о ключевой роли местных НПО в информировании общественности и международного сообщества о проблеме торговли людьми и в предоставлении помощи потерпевшим, ослабление этих НПО будет иметь фатальные последствия.

Это, конечно же, специфичная проблема, имеющая отношение к политической подотчетности, но такая проблема может встать, *mutatis mutandis*, в любой стране и в любой политической ситуации, когда внешние организации ответственны за выполнение задач, которые должны считаться фундаментальными для данного общества, – такие задачи, как забота о детях и их благополучии. Проще говоря: кому недовольный украинский гражданин или гражданка должны говорить о нарушении своих прав, если с ним или с ней плохо обращалась, скажем, Международная организация по миграции?

Ответственность и подотчетность

При крайней уязвимости детей, потерпевших от торговли людьми, ограниченных ресурсах, предназначенных для них во многих странах, политических проблемах в международном сотрудничестве в этой области и сложности самой проблемы мы обязаны Надежде, Кларе, Федре и другим потерпевшим за их четкие ответы на вопросы о рациональности и жизнестойкости, поставленные в начале этой части отчета.

Международное сообщество, с помощью разных организаций и инициатив, сыграло очень важную роль для работы по предоставлению помощи детям-потерпевшим в этом регионе и сделало успешный вклад в установление правовых стандартов, методов работы, а также и в развитие учреждений и их функционирование. Но результатом этого также стала очень сложная институциональная и функциональная структура.

Единственное возможное объяснение этой сложной конструкции «системы» – это то, что программы следуют за финансированием: поскольку доноры составляют очень разнообразную группу, «система» разветвляется в ответ. К лучшему, и к худшему. В большинстве донорских стран посчитают неприемлемым, если простое совпадение решает предоставлять ли и в какой форме помощь потерпевшему. Это не будет соответствовать ни духу закона, ни общественному мнению. Тем не менее, именно так происходит в реальности со многими потерпевшими.

Таким образом, необходимо поставить эти два заключительных вопроса и найти на них ответ:

- Какую политическую ответственность несет международное сообщество во всем его разнообразии за «систему» в целом и, в конечном счете, за конкретных детей-потерпевших?
- Какая форма подотчетности возможна в такой «системе»?

Торговля детьми «возникает» для общественности и политических лидеров

как вид «социальной катастрофы». Это во многом объясняет спонтанность и разбросанность работы по борьбе с ней, как я попытался показать в настоящем отчете. Относительно каждого потерпевшего ребенка в отдельности мы все еще можем говорить о «катастрофе», но общую ситуацию необходимо рассматривать как структурную, социальную проблему, которой необходимо противодействовать не путем кризисного менталитета.

Будучи далекой от решения, тем не менее эта проблема признана и включена в международную политическую программу. Изменения в восприятии очевидны, как на политическом, так и на местном уровне. Хотя и медленно, но развиваются учреждения, и происходит обмен методиками и программами. Я вижу четкие признаки, что тот этап, который можно назвать первой фазой в работе по противодействию торговле людьми, закончен, и вторая фаза постепенно принимает определенную форму.

Это и четкие ответы на поставленные выше вопросы должно привести общей переоценке соответствующих ролей международных организаций, НПО и таких организаций как Совет Государств Балтийского Моря, активно действующих в данной области. Как только все эти аспекты будут приняты во внимание, можно говорить о второй фазе, где все вовлеченные организации видят необходимость перераспределения ролей и ответственности.

Рабочая группа по оказанию помощи детям в опасности

В Рабочей группе по оказанию помощи детям в опасности, РГДО, участвуют старшие должностные лица министерств, ответственных за вопросы, связанные с защитой детей в странах-членах СГБМ, а также представитель ЕС. Членами СГБМ являются: Германия, Дания, Исландия, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Россия, Финляндия, Швеция и Эстония.

РГДО определяет, поддерживает и проводит политику сотрудничества в области помощи детям в опасности среди государств и организаций региона. РГДО проводит анализ наиболее острых проблем, связанных с защитой детей, в соответствии с рекомендациями Национальных Координаторов и экспертов. Основываясь на результатах этой работы, РГДО разрабатывает программы и предпринимает конкретные действия. Программы и действия проводятся совместно с национальными ведомствами, агентствами и организациями, в сотрудничестве с региональными и международными организациями.

Основные приоритеты РГДО:

- защита детей от всех видов сексуальной эксплуатации, насилия и торговли людьми
- дети без сопровождения и дети, оказавшиеся жертвами торговли людьми
- уличные дети и дети без семьи
- права детей в учреждениях
- молодые правонарушители и саморазрушительное поведение ребенка

www.childcentre.info

The Children's Unit

within the Council of the Baltic Sea States
P.O. Box 2010, SE-103 11 Stockholm, Sweden
Tel: +46 8 440 19 20, E-mail: child@cbss.org